

005045111

на правах рукописи

Британ Элла Леонидовна

**Роман В.П. Астафьева «Прокляты и убиты»:
авторская концепция трагического.**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

31 МАЯ 2012

Москва

2012

Работа выполнена

В Московском государственном областном университете
на кафедре русской литературы XX века

Научный руководитель: Нэлли Михайловна Щедрина
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Гончаров Пётр Андреевич
доктор филологических наук, профессор

Холодкова Екатерина Константиновна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель

Ведущая организация: Тверской государственный университет

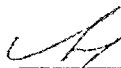
Защита состоится 21 июня 2012 года в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по
литературоведению при Московском государственном областном
университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 21-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Московского государственного областного университета по адресу:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

Автореферат разослан « 19 » мая 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Алпатова Т.А.

Общая характеристика работы

Виктор Петрович Астафьев (1924 – 2001) – крупнейший художник, классик русской литературы второй половины XX века. Наследие писателя привлекает внимание современных учёных¹, среди них Н.Н. Авчинникова, А.Ю. Большакова, Т.М. Вахитова, О.Н. Гайдаш, П.А. Гончаров, И.А. Дедков, И.А. Есаулов, И.П. Золотусский, В.Я. Курбатов, А. П.Ланщиков, Н.Л. Лейдерман, М.В. Малаховская, А.С. Немзер, Т.Л. Рыбальченко, А.И. Смирнова, Л.А. Смирнова, Д.А. Субботкин, В.А. Сурганов, Г.М. Шлёнская, И.Г. Штокман, Н.М. Щедрина и многие другие.

В творчестве писателя выделяются две сквозные темы: «деревенская» и «военная». Военная проза В. Астафьева – явление крупное и многогранное. Исследователи отмечают её особенности, подчёркивая

¹ Авчинникова Н.Н. Проза Виктора Астафьева (проблемы творческой индивидуальности писателя): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996; Большакова А.Ю. Художественное претворение нравственной проблематики в прозе В. Астафьева: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989; Вахитова Т.М. Народ на войне (Взгляд Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты») // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 18 – 38; Гайдаш О.Н. Отражение православного мироощущения в творчестве В.П. Астафьева // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – С. 616 – 620; Гончаров П. А. «Снятие покровов»: специфика позиции автора в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» // Вестник Тамб. Ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 2001. – Вып. 1. С. 58 – 63; Гончаров П.А. О периодизации творчества В. Астафьева // Филологические науки. – 2003. – № 6. – С. 20 – 27; Дедков И.А. Объявление вины и назначение казни // Дружба народов. – 1993. – № 10. – С. 185 – 202; Есаулов И.А. Сатанинские звёзды и священная война: современный роман в контексте русской духовной традиции // Новый мир. – 1994. – № 4. – С. 224 – 239; Золотусский И.П. Убиты и воскрешены // Литературная газета. – 1995. – 22 марта. – С. 4; Курбатов В.Я. Последняя Победа. Слово о Викторе Астафьеве при вручении премии А.И. Солженицына // Студенческий меридиан. – 2009. – № 7. – С. 58 – 59; Ланщиков А.П. Виктор Астафьев. – М.: Просвещение, 1992; Лейдерман Н.Л. Крик сердца: (творческий облик Виктора Астафьева) // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия / С.-Петербург. гос. ун-т, филол. фак. – М.: Академия; Спб.: филол. фак. СПбГУ, 2003. – С. 375 – 408; Малаховская М.В. Формы и функции публицистичности в поздней прозе В.П. Астафьева (1980 – 1990-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010; Немзер А. Исчадие божье. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. – М.: Новое лит. обозрение, 1998; Рыбальченко Т.Л. Переправа как основная мифологема в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» // Современная русская литература: проблема изучения и преподавания: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Пермь: Пермский госуд. педагогический университет, 2007. – Ч. 1. – С. 201 – 210; Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза 1960 – 1980-х годов: философия, мифология, поэтика: Дис. ... доктора филол. наук. – Воронеж, 1995; Природа и человек в русской литературе: материалы всероссийской научной конф. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-т, 2000; Смирнова Л.А. Постигание духовной природы человека: В. Белов, В. Астафьев, Б. Можав // Литература в школе. – 1995. – № 4. – С. 35 – 42; Субботкин Д.А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В.П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур: Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2007; Сурганов В.А. Астафьев снова пишет о войне // Литературное обозрение. – 1993. – № 9/10. – С. 3 – 10; Шлёнская Г.М. Астафьев и Бунин // Стародуб: Астафьевский ежегодник: материалы и исследования: вып. 1. – Красноярск: Изд-во Сиб. гос. фед. ун-т, 2008. – С. 68 – 81; Штокман И.Г. Чёрное зеркало // Москва. – 1993. – № 4. – С. 187 – 189; Щедрина Н.М. Проблема трагического в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Феномен В.П. Астафьева в обществ.-культ. и литер. жизни конца XX века: сб-к материалов I Международной научной конф., посвящённой творчеству В.П. Астафьева (7 – 9 сентября 2004 г.). – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2005. – С. 96 – 105.

принципиально новое видение автором сурового времени российской истории, осмысление трагической судьбы рядового солдата и бывшего фронтовика.

Роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» (1990 – 1994) – значительное событие в русской литературе. Ни одна книга о противостоянии советского народа фашизму не вызвала столько противоречивых оценок, горячих споров. При этом сложилось мнение – так о самой страшной военной катастрофе прошлого столетия не писал никто. Автор по-новому осветил саму суть происходящего: для него, испытавшего тяготы боевых сражений, очевидна её бессмысленность и бесчеловечность.

В критике произведение получило неоднозначную оценку. Исследователи¹ И. Дедков, К. Мяло, Н. Лейдерман упрекали писателя в натурализме изображения военных событий, в неубедительности религиозного прозрения героев романа, отмечали излишнюю риторичность авторских публицистических отступлений.

Прямо противоположную точку зрения² высказали Л. Барташевич, И. Есаулов, В. Зубков, В. Сурганов, И. Штокман, склоняясь к тому, что суровая правда о России – это, прежде всего, проявление патриотизма, любви Астафьева к русскому народу. По их мнению, роман о войне, соединяя прошлое и настоящее, актуален для сегодняшнего времени.

Представитель духовенства, протоиерей Г. Митрофанов, привнёс своё, духовное понимание книги. Он убеждён, что книга «Прокляты и убиты» имела для художника значение завещания, обнародованное от имени миллионов безвестно канувших в годы войны. Священнослужитель, подчёркивая актуальность произведения, полагает, что роман с точки

¹ Дедков И. Объявление вины и назначение казни // Дружба народов. – 1993. – № 10. – С. 185 – 202; Мяло К. Мёртвых прокляты // Наш современник. – 1995. – № 6. – С. 186 – 199; Лейдерман Н. Крик сердца // Урал. – 2001. – № 10. – С. 35 – 48.

² Барташевич Л. Идущие вослед должны знать правду // Север. – 1995. – № 9. – С. 145 – 149; Есаулов И. Сатанинские звёзды и священная война. Современный роман в контексте русской духовной традиции // Новый мир. – 1994. – № 4. – С. 224 – 240; Зубков В. Разрыв // Урал. – 2005. – № 5. – С. 55 – 59; Сурганов В. Астафьев снова пишет о войне // Литературное обозрение. – 1993. – № 9/10. – С. 2 – 10; Штокман И. Чёрное зеркало // Москва. – 1993. – № 4. – С. 65 – 77.

зрения нравственной и исторической – «осмысление нашей истории именно на рубеже 90-х годов»¹. Г. Митрофанов считает, что писатель напомнил всему человечеству, что война – это грех.

Долгая дорога, длиною почти в четыре десятилетия, вела Астафьева к осуществлению главного замысла – создать произведение о Великой Отечественной войне. Высоко оценил роман А.И. Солженицын, отметив, что писатель высказал солдатскую правду о войне, о чудовищных преступлениях против человечества и против своего народа. Он назовёт появление книги в литературе случаем уникальным, «когда война описывается не офицером, не политруком, не прикомандированным писателем, – а простым пехотинцем, «чёрным работником войны», который, воюя, и не думал, что писателем станет. Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы вот такое написать нам спустя полвека!..»².

Трагический аспект «Проклятых и убитых» затронут во многих исследованиях об Астафьеве, но на сегодняшний день не стал предметом специального разговора. М.В. Малаховская³ подчёркивает, что Астафьевым рассматривается «не то, что война делает с душой человека, а само явление войны как вселенского зла»⁴. Для Д.А. Субботкина важен в произведении конфликт «своего» и «чужого»⁵, он приходит к выводу, что война для писателя – «чужой» мир, враждебный жизни, что астафьевская концепция отличается особым трагизмом, ибо солдат вёл войну сразу на двух фронтах. О.Ю. Золотухина делает акцент на трагическом мировосприятии прозаика,

¹ Митрофанов Г. О романе «Прокляты и убиты» // Из фондов радио «Град Петров» // Студия «Град Петров», 2007.

² Солженицын А.И. Виктор Астафьев. Из «Литературной коллекции», 2005 // Российская газета. – 2009. – 27 апреля. – С. 7.

³ Малаховская М.В. Формы и функции публицистичности в поздней прозе В.П. Астафьева (1980 – 1990-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

⁴ Малаховская М.В. Формы и функции публицистичности в поздней прозе В.П. Астафьева (1980 – 1990-е годы): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 2010. – С. 10.

⁵ Субботкин Д.А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В.П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур. Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2007.

которое, по мнению исследователя, мешало ему «принять веру в Бога с христианских позиций»¹.

Трагическое как проблема в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» стала предметом исследования Н.М. Щедриной². Учёный отмечает, что война для писателя носит глобальный характер, поскольку его трагизм «отличается крайним пессимизмом», что концепция трагического вызревала в предыдущих книгах классика, а в «Проклятых и убитых» «нарастающий и усиливающийся трагизм ... перерос в апокалипсис», что привело к «универсализации трагизма (пантрагическому) – это составляющая его авторской концепции». По мысли Н.М. Щедриной, «всё же вопреки трагизму ... , писатель рисует силу органичной и нравственной связи человека с человеком». Астафьев приводит некоторых героев к духовной состоятельности. Трагическое открывает безграничные нравственно-эстетические возможности: формировать человеческое в человеке; вызывать не только боль, чувство сострадания, но и протест против разрушения, гибели, безнадёжности.

Для выявления всех возможных параметров трагического необходимо обратиться к теоретическим работам по проблеме. Несмотря на разницу подходов к проблеме трагического в литературе, изложенных В.В. Жибулем, И.И. Плехановой, П.М. Топером, В.Е. Хализевым, теоретики едины в одном – трагическое произведение отражает изначальную дисгармонию мира, в котором общесоциальное и личностное находятся в вечном противостоянии.

Категорию трагического определяет «неразрешимый конфликт»³, представляющий трагедию судьбы, духа или сознания, что приводит к

¹ Золотухина О.Ю. Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Абакан, 2010. – С.21.

² Щедрина Н.М. Проблема трагического в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Феномен В.П. Астафьева в обществ.-культ. и литер. жизни конца XX века: сб-к материалов I Международной научной конф., посвящённой творчеству В.П. Астафьева (7 – 9 сентября 2004 г.). – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2005. – С. 96 – 105.

³ См.: Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 82 – 84; Кормилов С.И. Трагическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий (Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин). – М.: Интелвак, 2001. –

разрушению человеческой жизни как высшей ценности, обречённой на незащищённость от судьбоносных стихий извне и на «бессмысленное мученичество»¹ в ситуации экстремальной. Приведённая литературоведческая позиция служит в работе отправной точкой для анализа романа В. Астафьева, учитывается взаимосвязь трагического и христианского.

Объектом исследования в диссертации является авторская концепция трагического в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты». Трагический аспект рассматривается также в произведениях «Звездопад» (1960), «Последний поклон» (1968 – 1992), «Пастух и пастушка» (1967 – 1971, 1989), «Царь-рыба» (1975), «Печальный детектив» (1986), «Людочка» (1987) и в поздней военной прозе писателя – «Так хочется жить» (1995), «Обертон» (1996), «Весёлый солдат» (1998), «Пролётный гусь» (2001), привлечены эпистолярные источники, публицистические статьи, анализ которых способствует раскрытию наиболее значимых для Астафьева моментов трагического.

Предметом исследования в работе является процесс эволюции трагического мироощущения писателя. Особый интерес представляет один из самых противоречивых этапов творческого пути – период последних десятилетий.

Актуальность данной диссертации определяется:

во-первых, неизученностью романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» с точки зрения категории трагического, что во многом объясняется недостаточной разработанностью понятия «трагического» в теории литературы по отношению к прозаическому произведению, а также отсутствием методики его анализа;

С. 927; Гальцева Р.А. Трагическое // Лермонтовская энциклопедия (Гл. ред. В.А. Мануйлов). – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – С. 578-579.

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 82.

во-вторых, более детальное рассмотрение романа, пристальное внимание к нему заново открывает нам писателя как признанного мастера слова, обнаруживает его роль и место в истории литературы XX века;

в-третьих, постижение трагического имеет большое значение для понимания особенностей астафьевской прозы о войне;

в-четвёртых, актуальность последней романной книги «Прокляты и убиты» подтверждается и значительным событием в русской культуре – присуждением в 2009 году В.П. Астафьеву в 85-ую годовщину со дня рождения премии А.И. Солженицына (посмертно).

в-пятых, произведение, появившееся в литературе в 1990-х годах, сохраняет свою злободневность и сегодня, поскольку на нашей планете неспокойно: до сих пор не стихают военные конфликты, проливается человеческая кровь. И молодое поколение должно знать своё прошлое, свою историю, правду о войне, хотя В. Астафьев неоднократно подчёркивал, что «всю правду о войне знает только Бог, <...> правда эта неподъёмна»¹.

Цель работы: исследовать авторскую концепцию трагического, связанную с отношением писателя к вере, раскрыть его трагедийное мастерство, выявить стремление художника показать войну как величайшую трагедию XX века.

В связи с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть подходы к проблеме трагического в современной науке с целью выявления их в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты»;

- проследить вызревание концепции трагического в творчестве В. Астафьева в 1960-е – 2000-е годы от «Звездопада», «Пастуха и пастушки», «Последнего поклона», «Царь-рыбы», «Печального детектива», «Людочки» до повестей «Так хочется жить», «Обертон», «Весёлый солдат», рассказа «Пролётный гусь»;

¹ Астафьев В.П. Комментарии к роману «Прокляты и убиты» /Астафьев В.П. Прокляты и убиты. – М.: Эксмо, 2005. – С. 770. Далее текст романа и комментарии к нему цитируется по этому изданию, страница указывается в скобках.

- проанализировать динамику изменения трагического героя в трагических обстоятельствах, нашедшую отражение в произведении «Прокляты и убиты»;

- посредством текстуального анализа романа выявить авторское начало, тематические блоки лирико-публицистических отступлений;

- определить место романа Астафьева в отечественной прозе о войне.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Необходимость рассмотрения проблемы трагического, имеющей давние истоки, в новой исторической перспективе с учётом исследований современного литературоведения.

2. Активизация авторской мысли в творчестве В. Астафьева ведёт к усложнению жанра повествования. Усиление публицистической тенденции свидетельствует об исследовательской глубине авторского освоения как военной действительности, так и современного жизненного материала.

3. В. Астафьев – писатель, творчество которого пронизано эсхатологическим мироощущением рубежной эпохи, особенно в последние десятилетия. Свою концепцию трагического, определяющую художественный мир, он выстраивает, опираясь на наследие православной культуры и литературную традицию.

4. Включение В. Астафьевым в ткань последнего романа образов и мотивов философско-религиозного содержания (Бог, сатана, ад, преисподняя).

5. На историческом фоне военной трагедии XX века писатель продолжает традиционное для русской классической литературы размышление о человеке и его назначении в мироздании, о бессмысленности насилия, о необходимости соизмерять мир человека с природным началом.

6. Богоотступничество, по убеждению писателя, величайшая трагедия страны. Антирелигиозная идеология, насаждаемая народу с 1917 года, обрекла последующие поколения на неизбежные страдания, на

неполноценную жизнь вне Божественных откровений, и война – закономерное звено этой причинно-следственной связи. Нравственные постулаты, основы христианства – духовный компас для человека в современном обществе.

Методика и методология исследования. Методы исследования обусловлены поставленной целью, достижение которой предполагает изучение различных концепций трагического со времён античности до наших дней, опору на теоретические и практические положения современных учёных, представленные в научных исследованиях П.А. Гончарова, Н.Л. Лейдермана, Г.М. Шлёнской, Н.М. Щедриной.

Методологической основой для диссертации послужили труды Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина и других философов, а также исследования о трагическом, принадлежащие перу В.В. Жибуля, И.И. Плехановой, П.М. Топера, В.Е. Хализева.

Целью и задачами настоящей работы предопределено комплексное использование следующих методов: сравнительно-исторического, историко-генетического, биографо-источниковедческого; а также текстуальный анализ художественного произведения.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования можно использовать в вузовском образовательном процессе: в лекционных курсах по истории русской литературы XX века, в спецкурсах и семинарах. Некоторые положения диссертации могут быть применены в школьном преподавании русской литературы по углублённой программе (в гимназиях, лицеях, гуманитарных классах общеобразовательных школ).

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые трагическое в творчестве В. Астафьева становится предметом специального исследования. Ценность данной работы – в постановке вопросов, связанных с особенностями выражения авторской концепции трагического в романе «Прокляты и убиты». В диссертации произведение осмыслено сквозь

призму трагического мироощущения автора в соотнесённости с его нравственно-философскими взглядами и православно-христианской традицией.

Теоретическая значимость диссертации состоит в осмыслении трагического как одной из ключевых категорий литературоведения, как грани авторского сознания В. Астафьева, позволяющей выявить специфику философско-эстетических исканий писателя и их воплощение в романе «Прокляты и убиты».

Апробация материала. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета. Положения работы изложены в докладах на научных конференциях: «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (МГОУ, 27 – 28 июня 2007г.), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» (23 – 24 июня 2009 года, МГОУ). Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях: в периодической печати «Бери да помни» (Октябрь. 2010. № 5); «Грызь сердешная» (Красноярский рабочий. 2011. 20 января); в 3-х статьях, входящих в список ВАК (список прилагается).

Структура исследования. Общий объём диссертации – 187 страниц. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка используемой литературы, насчитывающей 211 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень её изученности, формулируются цели и задачи, характеризуется её методологическая основа и источники, научная новизна и значимость; определяется позиция исследователя по отношению к категории трагического; утверждается, что произведения о войне изначально трагичны, поскольку они повествуют о времени человеческих страданий, горя и смертей.

В первой главе «Развитие концепции трагического в творчестве Виктора Астафьева» предпринята попытка определить этапы вызревания концепции трагического в произведениях Астафьева.

Для писателя-фронтовика война – это и личное событие. В его творчестве отразилось стремление высказать о ней правду. Астафьев нарушил сложившуюся традицию в истолковании войны, подверг глубокому сомнению триумфальный характер победы. Он был убеждён, что бесчисленные жертвы – непростительный просчёт советского командования, гибель одного солдата – невосполнимая утрата. На протяжении всей жизни Астафьев ощущал тяжесть исторической вины, задавая себе один и тот же вопрос: за что погибали?

Значительное внимание в первой главе отводится истории замысла романа «Прокляты и убиты», потому что произведение – итог долгого, мучительно трудного пути писателя. Художник осознавал, какая огромная ответственность перед человечеством – говорить о войне. Классик русской литературы связывал творческие муки с постижением и утверждением Правды: «Я всю свою <...> жизнь готовился к главной своей книге – роману о войне <...> ради неё Господь меня сохранил не только на войне, <...> мучил меня памятью ... , чтобы я готовился выполнить его завет – рассказать всю правду о войне»¹.

Грандиозность писательского замысла, его глубина, энергия памяти не давали ощущения творческой успокоенности. Автор объяснял создание своей книги тем, что «молчать ... невозможно» (793). В крупном итоговом романе сконцентрирован его духовный опыт, нравственные и эстетические убеждения, философия жизни.

Произведение требовало от Астафьева титанических усилий, мощного напряжения, душевной собранности, работа выводила писателя из необходимого равновесия: «Хотел избежать лишних смертей и крови, но от

¹ Астафьев В.П. Сквозь время и годы /Астафьев В. Военные страницы: повести и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1986. – С. 5.

памяти и правды не уйдёшь – сплошная кровь, сплошные смерти и отчаянье аж захлёстывают бумагу и переливаются за край её¹. История родного отечества, а также беды, испытания, выпавшие на долю самого автора, определили трагическую направляющую романа.

В творчестве В. Астафьева трагическое стало проявляться задолго до «Проклятых и убитых». Уже в рассказе «Гражданский человек» (1951) («Сибиряк») прослеживается исполненное горечи заключение о страшных, непоправимых последствиях войны, которая отняла жизнь у простого сибиряка Матвея Савинцева. Трагично, когда русский крестьянин, предназначение которого – созидательный земледельческий труд, оказывается на поле брани с оружием в руках. Смертельно раненный, герой рассказа умирает достойно, как и жил: «Деревенские мы люди, привыкли, чтоб всё по порядку было, чтоб ничего не забыть в последний час ... прости, если словом обидел ...»², и земля, «пахнувшая дымом и хлебом, приняла его с тихим вздохом»³.

В «Звездопаде» (1960) представлен новый подход к изображению военного противостояния. В произведении звучит мысль о трагическом разрешении первой любви, которую «убила» война. Впоследствии мотив «убиенной» любви станет сквозным для писателя.

В «современной пасторали» «Пастух и пастушка» (1967 – 1971, 1989) Астафьев продолжает изображать войну, подчёркивая невозможность любви среди полыхающих пожарищах. Сама тема задаёт трагическую тональность книге. Военное лихолетье обрекает людей на трагичность существования. Борис Костяев истратился на войне, потому и умирает. Астафьев убеждён: покалеченная войной душа ничего не может дать этому миру.

¹ Астафьев В.П. цит. по: Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. – С. 310.

² Астафьев В. Сибиряк / Астафьев В. Печальный детектив. Роман, рассказы, новеллы, очерк. Лениздат, 1989. – С. 160.

³ Там же. – С. 161.

«Царь-рыба» (1976) – исследование отношений человека и природы с позиции нравственного начала. Авторское «я» активно внедряется в повествование, что заставляет по-новому звучать «вечные» темы русской литературы: погублена сама мысль природы, её божественный замысел. Астафьев выступает против хищнического отношения к ней, её варварского уничтожения. Природа мстит человеку, духовная несостоятельность которого определяет трагическую линию жизни.

Если в «Царь-рыбе» В. Астафьев предупреждает человечество об опасности игнорирования законов природы, о необходимости устойчивости в сознании человека нравственной силы, то в «Печальном детективе» (1986) трагическое обретает мощное и настойчивое звучание. Художник подчёркивал неизбежность появления книги: « <...> я не мог не написать это произведение, не мог таскать вечно в себе эти раскалённые угли, но скорее горячий отвальный шлак, он сжёт бы меня, раздавил»¹. Человек теряет связь с предшествующими поколениями, пренебрегает народными традициями. Роман отразил негативные социальные процессы советской действительности, кризис духовной культуры, онтологические мотивы вечного переплетения в человеке святости и низости, доброты и жестокости.

Тема духовного одиночества, душевной разъединённости, враждебной изоляции людей связывает в единый идейный узел произведения «Печальный детектив» и «Людочку» (1989). В «Людочке» Астафьев исследовал причины порока, ненависти, лжи в современном обществе. Драматическая история современной девушки – горькое обобщение нравственно больного общества. «Вершина и предел трагизма лежит не в болезни, смерти и страдании ... , а в торжестве зла и унижении добра»², – подчёркивал в своё время Б.П. Вышеславцев.

¹ Астафьев В.П. цит. по: Стеценко В. Вспомная Астафьева // Московский вестник, 2008. – № 3, № 4. Режим доступа: <http://www.mosvestnik.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

² Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 539.

В «Последнем поклоне» (1968 – 1992) детский, наивный мир Витьки Потылицына словно бабушкина добрая песня, а деревенская жизнь исполнена гармонии: «этот мир можно потрогать ладошкой, к нему хочется прильнуть, быть в нём»¹. Но радость созвучия с этим миром, сопричастность живительному, одухотворённому природному началу сменяется ощущением распада: от страницы к странице, от части к части нарастает трагизм, обусловленный разрушением крестьянского образа жизни, изменениями в психологии русского человека, предопределившие его трагическую судьбу.

Астафьеву, как большому художнику, присуще обострённое чувство времени, трагические повороты которого отразились и в «Проклятых и убитых», поскольку свою главную книгу он создаёт на протяжении длительного периода. Являясь одной из граней художественного мышления писателя, трагическое оказало непосредственное влияние на идейно-художественное своеобразие «Проклятых и убитых». Оно с новой силой ворвалось в произведение после появления в печати, но уже с точки зрения восприятия книги современниками. С этого момента, по мысли протоиерея Г. Митрофанова, начинается открытие романа заново как произведения, повествующей об отцах наших и дедах, на долю которых выпала череда страданий, революций, гражданской войны, коллективизации.

«Чёртова яма» – первая часть «Проклятых и убитых». В настораживающем названии слово «яма» ассоциируется с неким земляным вместилищем, отдающим чертовщиной, нечистой силой. «Чёртова яма» – непрекращающееся страдание от подавляющего унижения. Мотивы голода, холода, непроглядной тьмы – составляющие трагического полотна романа. «Чёртова яма» исключает присутствие высокого уже потому, что она

¹ Астафьев В. П. Вечерние раздумья / Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть в рассказах. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 792.

«чёртова»: «ни тебе молитвы, ни тебе покаянья, вонистину антихристово пристанище, бесовское рнсталище» (36).

Во второй книге «Плацдарм» подчёркивается, что воюющие ощущают надломленность, потерю в себе цельности. Астафьев убеждён, что сохранить достоинство, уцелеть на изнуряющей военной страде – дело самого человека. Люди искали спасения на испепелённом клочке плацдарма, ощущали себя покинутыми и командованием, и Богом. Возросшая потребность друг в друге – иначе не выжить – привела к чувству единения.

В середине 1990-х художник мечтал о создании третьей части «Проклятых и убитых»: «... и это будет мне Высшей наградой жизни»¹. Но уже в 1997 году он пишет В.Я. Курбатову: «Цикл из трёх повестей о послевоенной жизни избавляет меня от писания третьей книги романа»². Трагическое мироощущение, которое жило в Астафьеве, так и не дало ему завершить задуманное. Это и привело к тому, что заключительная часть не состоялась.

В диссертации роман «Прокляты и убиты» рассматривается в связи с повестями В. Астафьева «Так хочется жить», «Обертон», «Весёлый солдат», рассказом «Пролётный гусь», которые составили материал для третьей книги. На страницах, отмеченных автобиографической полнотой, раскрывается трагическая судьба участника войны. С этими произведениями роман «Прокляты и убиты» объединяет тема «человек и государство». Судьба воина-победителя, освободившего мир от фашизма, пронизана трагизмом.

В повестях разворачиваются истории жизни солдат, перенёвших послевоенные невзгоды. Основная писательская мысль в произведениях последних лет: война для участника Великой Отечественной не

¹ Астафьев В.П. Нет мне ответа ... Эпистолярный дневник 1952–2001. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – С. 583.

² Астафьев В.П. лтт. по: Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. – С.406.

закончилась. Защитник, вернувшийся с фронта, оказывается побеждённым государственной системой, становится никому не нужным в своей стране.

Существенно отметить, что почти весь жизненный путь Астафьева, в том числе и работа над романом «Прокляты и убиты», отразились в эпистолярном дневнике «Нет мне ответа ...» (2009), вышедшем из печати после смерти писателя.

В результате обращения к произведениям, предшествующим роману «Прокляты и убиты», выявлено, что трагическое эволюционировало в творчестве Астафьева. От первого рассказа «Гражданский человек», исполненного горечи от страшных, непоправимых последствий войны, до замыкающего весь творческий путь, прощального «Пролётного гуся».

Во второй главе «Трагический герой и трагические обстоятельства» раскрывается концепция трагического в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты». Писатель значительно расширяет рамки понятия «трагический герой», привносит в него своё, качественно новое толкование.

По мнению современного исследователя И.И. Плехановой, на сегодняшний день в литературоведении выявляется закономерная тенденция – «размывание понятия «трагический герой»¹. Общим для героя трагедии и трагедии героя остался только «узнаваемый образ страдания»². Созвучную мысль высказывает В.Е. Хализев. Учёный констатирует, что для современной теории трагического характерна идея бессмысленного мученичества «людей смятенных и растерянных, не сумевших устоять перед лицом жестоких испытаний, сохранить и проявить твёрдость духа»³. Всё это противоречит классической эстетике, которая утверждала героя трагедии, исполненного возвышенных устремлений. В XX веке человеку пришлось существовать в экстремальных ситуациях, которые подрывали его физическое и духовное здоровье. Героя представляет не

¹ Плеханова И.И. Преображение трагического. Часть 1. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – С. 5.

² Там же.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 83.

исключительная личность, а обыкновенный человек, причём трагическое выпадает и на долю целых наций. При всём многообразии трагических ситуаций В.Е. Хализев выделяет общую черту трагического – «художественное постижение человеческого в человеке, находящегося в ситуации *экстремальной*»¹ (курсив. – В.Е. Хализев).

Трагические обстоятельства открываются каждому бойцу. Предвоенная жизнь, смысл которой сводился к борьбе за выживание, для многих из них стала нелёгким испытанием. Невозможность сопротивления «чёртовой яме» привела красноармейцев к внутреннему опустошению, обезличиванию; казарма делала из людей «попцовых». Брошенные в пекло войны, солдаты осознают свою зависимость от трагических обстоятельств. Трагизм положения заключается в проявлении человеческой вражды, исключаящей законы вселенной, Божий замысел.

Центральный образ романа – советские воины, «наши, российские парнишки, братья <...> по богову завету» (207), испившие громадную чашу страданий времён Великой Отечественной войны, новобранцы 21-го полка, 1924 года рождения, только вступившие на жизненный путь. К ним принадлежал и сам Астафьев. Писатель приводит нас к мысли, что трагизм человеческой жизни усугублён войной, ибо человек вступил в смертельную схватку с фашизмом.

Вся народная трагедия воплотилась и запечатлена в человеческих судьбах, а не в событиях войны. Автор сцепляет непростые жизненные истории Шестакова, Рындина, Васконяна, Боярчика, Шпатора, Булдакова, Финифатьева, Щуся, Сабельникова и других в одну. Специфика романа в том, что каждая новелла о жизни героев призвана раскрыть общую концепцию книги.

В результате анализа выявлена органическая связь образа воина и автора-повествователя, составляющих композиционное ядро «Проклятых и убитых».

¹ Там же. – С. 84.

Война разделила героев «Плацдарма» на тех, кто призван защищать родину и на тех, кто её непомерный груз не выдержал. В. Астафьев продолжил мысль первой книги романа, состоящую в том, что война не зависела от воли самих героев. Она подавляет, выворачивает наизнанку душу человека, нередко искажает в ней лучшее. Стремилась сбересть свои жизни во что бы то ни стало капитан Мельников, «спасающийся в тылу посредством передового идейного слова» (217), Петька Мусиков, Мусенок, усилием которых было «любым способом выжить» (296).

Писатель беспощадно клеймит нерадивых командующих, трусливых офицеров. Страшное время войны породило уродливые явления военных будней. Астафьев создаёт образ командира полка, Ивана Харитоновича Вяткина, ловко обходившего передовую. Мусенок, засоряющий умы и души новобранцев мёртвым словом социалистической идеи, чувствовал себя на войне вольготно, сыто. Недальновидные решения, глупые просчёты, безответственность военного руководства – всё это тяжким бременем легло на плечи защитников страны.

Самое страшное преступление на войне, по мысли автора, – это предательство: оно «начинается в высоких, важных кабинетах вождей ... и заканчивается здесь, ... где фронтовики подставляют друг друга» (713). Порой честные, чистые помыслами люди ощущали растерянность перед войной. Феликс Боярчик, готовый для другой жизни, оказывается покалеченным войной: бросается к немцам, умоляя убить его. Автор-повествователь осмысливает утрату цельности героя как страшное проявление фронтовых будней, сострадает ему.

По мысли Астафьева, война неизбежно приводит человека к духовному опустошению. Славный сибиряк, честный солдат Лёшка Шестаков понимает, что привычка убивать врага начинает «забирать» что-то важное из души. Он осознал, что «война – это преступная трата души» (569). «Главное губительное воздействие войны в том, что ... подступившая

массовая смерть становится обыденным явлением» (369), – заключает автор.

Военная катастрофа выявляет в человеке не только низменное, не только вызывает смятение доброй души, но и обостряет высокое стремление защищать родину. Отчаянно сражаются Щусь, Шестаков, Булдаков, Рындин и другие. Чувство единения солдата с солдатом, готовность отдать хлеб, бинт, табак – на фронте всё в цене – руководит такими людьми. Автор подчёркивает значимость фронтового братства. Проявление бескорыстия в экстремальных условиях, когда лучшие бойцы пытаются сохранить в себе человеческое достоинство, внутреннюю силу, – это тоже, по мнению писателя, подвиг.

Астафьев нарушает традицию в изображении врага. Немцы в романе – это, прежде всего, обычные люди, которые стремятся уйти от навязанного им военного конфликта. Неудивительно поэтому, что автор «Проклятых и убитых» принципиально не искал различия между воюющими сторонами. Бог один – и для русского, и для немца. Из рук врага получают санитарки Фая и Нелька свёртки с медикаментами, едой. Набожный Лемке осознал чудовищность войны как вселенской катастрофы. По мнению Астафьева, война – трагедия, независимо от того, кто погибает – русский или немецкий солдат.

Писатель привнёс в произведение своё понимание смерти. Человек беззащитен, он не может противостоять стихии войны, несущей неотвратимую гибель. Одна из трагических страниц «Плацдарма» – переправа, осуществляемая на реке Днепр, где тысячелетие назад происходило великое таинство – Крещение русского народа. Сцены переправы – убийство, которому не в силах противостоять даже сила матери-земли.

Плацдарм – территория, ставшая могильной ямой, «чёртовой» как для советских бойцов, так и для захватчиков. Она погружена в безысходность, трагическую обречённость. Но бесовское ликование смерти бессильно

перед вселенской жизнью. Берег боевых сражений поглотит бесследно бездна, а мир останется. Живое небо – залог будущей жизни самой земли, где война – временное явление, убеждён писатель.

Несмотря на проступающий светлый тон финального повествования, автора «Проклятых и убитых» не покидало ощущение трагизма, хотя в финале «Плацдарма» снижена его острота за счёт возможного воскрешения души. По мнению Астафьева, потомки предадут забвению солдата Великой Отечественной войны: «Через десяток лет покроет место боёв <...> толстой водой нового, рукотворного моря и замочет песком, затянет илом белые солдатские косточки» (763). Но Память не «замочет песком» (763), трагическая судьба защитников не сотрётся в ней. Бойцы Великокриничского плацдарма приняли на себя страдание, явились жертвами кровавых событий, тем самым искупили вину своих отцов, творивших революцию 1917 года, и свою собственную. Такая смерть обещает богоданное воскрешение в иной, вечной жизни, в мире нетленном и совершенном, в котором нет войны. Страдание великомученической рати становится искупительным, её подвиг – святым. Трагизм положения человека не убивает душу, по убеждению Б.П. Вышеславцева, а «очищает и возвышает, даже восхищает. В этом чудо трагизма»¹. Отсюда трагическое неизбежно ведёт к катарсису.

На наш взгляд, авторская мысль в романе о неизбежности мира, о вечности мироздания позволяет говорить о возможности сохранения нравственного равновесия в условиях войны. Подтверждением тому – проявление светлого начала в отчаянной душе Лёхи Булдакова. Путь высвобождения высокого, божественного потенциала человеческой природы становится возможным для некоторых героев книги. В христианской культурной традиции неразрывно связано «благодарное

¹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 539.

приятие мира и сердечное сокрушение»¹, «просветляющее покаяние»². Свойственный произведениям Астафьева последних лет мотив покаяния нашёл своё воплощение и в романе «Прокляты и убиты». Внутренний монолог смертельно раненного сержанта Финифатьева – реализация этого мотива.

История отношений Булдакова и Финифатьева ставит под сомнение обречённость героев на духовную смерть. Мотив апокалипсиса в романе не является самодовлеющим. Совесть корректирует поведение Мартемьяныча, является нравственной доминантой жизни Лёшки Шестакова. Война обострила в бравом командире Щусе чувство справедливости. Именно на фронте Ашот Васконян, майор Зарубин, дед Финифатьев и другие герои начинают осознавать особую ценность любви к своим близким, к родине, военные испытания измеряли и жизнестойкость старообрядчества.

Итак, трагический герой Астафьева – неброский, но мощный выразитель духа своего народа. Ему, как личности мятущейся, исполненной противоречий, присуще стремление к духовной наполненности, сердечному раскаянию, что позволяет победить проявления животного начала. Астафьев смещает привычные акценты: каждый на войне воюет прежде сам с собой, только потом – против врага. Служение ложному коммунистическому идеалу обрекает советских людей, втянутых в войну, на бессмысленность существования.

Что касается трагических обстоятельств, то писатель считает, что война – противоестественное состояние мира, чуждое природе человека.

В третьей главе раскрывается активизация авторской позиции в романе «Прокляты и убиты» и способы её воплощения, в частности, за счёт усиления роли автора-повествователя. Являясь организующим началом в художественной целостности, он отражает жизненные и философские взгляды писателя, которые в романе проступают в оценочно-

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 78.

² Там же.

идеологических заключениях, публицистических отступлениях, обращениях, сентенциях, восклицаниях, риторических вопросах.

В диссертации предпринята попытка прояснить проблему духовно-религиозного поиска Астафьева на примере не только романа, но и его публицистики, а также воспоминаний о нём современников, появившихся после ухода писателя из жизни. Непростой и противоречивый путь писателя к постижению Высшего, разъединённость в его сознании Природы и Бога (поскольку вера требует абсолютного признания) не могло не сказаться на всём художественном пространстве произведения. Поиск веры как заступницы «проклятых и убитых», как справедливого разрешения, подразумевающего победу мира и добра, идея соборности, милосердия, любви в романе уживается с гневным обличением, идеей карающего Бога, жаждой отомстить миру за исковерканные судьбы миллионов советских людей, что не свойственно христианскому воззрению.

Религию Астафьев связывал с нравственным полем человека. Прозанк не был верующим в том традиционном понимании, которое вкладывают в учение последователи христианской мысли. Примечательно, что классик разделял понятия «церкви» и «веры»¹. По его глубочайшему убеждению, божеское в человеке начинается с понятия «совесть»: «Как он выглядит, наш бог, я не видел и не знаю, но верю, что название ему – справедливость, честность и совесть»².

Слова, составившие название книги, как и сам роман, вызвали неоднозначную оценку в критике. Изучение его семантики проливает свет на открытость и декларируемость авторской позиции.

¹ См. об этом: Фаст Г. Г. С ним уходит вся эпоха // «И открой в себе память ...»: воспоминания о В.П. Астафьеве: материалы к биографии писателя. – Красноярск: Изд-во Красноярский гос. ун-т, 2008; Гайдаш О.Н. Отражение православного мироощущения в творчестве В.П. Астафьева // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009; Золотуцкий И.П. Убиты и воскрешены // Литературная газета. – 1995. – 22 марта, Варламов А. Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1997.

² Астафьев В.П. Нет мне ответа ... Эпистолярный дневник 1952 – 2001. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – С. 310.

Великое страдание родины подтолкнуло к использованию в названии романа проклятия. Но проклятие автор обращает не к солдату, а к тем, кто посылал бойца совершать кровопролитие, к тем, кто лишал воина православной опоры. В результате – убиты. За что же проклятие? За то, что отступили и забыли Бога вследствие навязанных России революций, кровавого сталинского режима, чудовищной братоубийственной войны.

Писатель приводит нас к убеждению, что, несмотря на разрушительный характер войны, она приоткрывает пути для взятия духовно-нравственных высот. Многие герои Астафьева в романе «Прокляты и убиты» уходят от безверия, навязанного коммунистической идеологией.

Продолжают тему, выведенную в заглавии, предпосланные тексту строки, составившие эпиграфы. В эпиграфе к первой книге «Чёртова яма» звучит мысль о приоритете общечеловеческих ценностей. Отсылка к библейскому сюжету «Послания к галатам» апостола Павла, ослеплённого светом, потерявшего зрение и прозревшего, важна для осмысления концепции трагического в романе. Использование духовного слова позволяет Астафьеву обратиться ко всему человечеству. Книга с таким эпиграфом теряет своё локальное значение, она не только о Великой Отечественной войне, – это произведение о тянущейся веками вражде между народами: поднимаясь над пространством и временем, автор говорит о войне как о великой трагедии мира.

Одна из форм реализации авторской позиции в романе – публицистические отступления. В них запечатлелись все константы бытия: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство из них носит философско-публицистический характер. Если классифицировать отступления в «Проклятых и убитых», то обнаруживаются следующие тематические блоки: судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездие за богоотступничество целой страны; октябрьская революция, её последствия

и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её ничтожные вдохновители; уничтожение русского народа.

Оценка Великой Отечественной войны – магистральная тема авторских отступлений. В них чётко, рельефно проступает взгляд писателя на её лик, «бездушную сущность». Она – «грязная тварь, состоящая из жёлтой жижи, покрытая красной пеной» (387), «на человека неумолимо наползающая» (387), принимает «зрячий образ» (387). Не случайно Высота Сто кишит ненасытными крысами, обжевшимися человечиною. Война та же крыса, пожирающая жизнь. Не только крыса, но и вошь символизирует хаос, ад, нестерпимые муки, посланные войной: «Плесневелое, непроницаемое, опьяненное от сытости, еле ползущее облако вшей накрыло людей на клочке земли» (719). Для неблагородной твари – это «пир во время чумы», пир во время войны.

Публицистическая экспрессия, насыщенная эмоциональностью, достигает своего трагического напряжения, когда звучит авторская мысль о цене победы, которую заплатил народ в ходе Великой Отечественной войны и с которой не смог смириться Астафьев. Сердце писателя-фронтовика, а в романе эти чувства выражает автор-повествователь, болит от горького осознания того, что человеческая жизнь в стране, одержимой коммунистической идеей, обесценена.

Вершинной, кульминационной точкой в первой части романа, венчающей осмысление книги с точки зрения проблемы братоубийственной вражды, является расстрел братьев Снегирёвых, один из самых трагичных эпизодов, чрезмерно большую роль сыгравший в композиции первой книги, связанной с мыслью о спасении, о Божьей милости. Одиночество людей, ожидающих смерть от своих же, казалось, не знало границ во времени и пространстве. Для Снегирёвых эти несколько минут перед казнью – надежда на милость от собратьев, на свершение чуда, неземного

вмешательства, Божьей помощи. Смерть молодых бойцов – трагедия разрушения единства народа, обусловленная не столько военным временем, сколько установленным государственным режимом.

Войне, порождающей дисгармонию мира, автор противопоставляет совершенство природных начал, красоту земли, что усиливает несоответствие между суетностью человеческих устремлений, военным противостоянием как одним из её проявлений и невозмутимым, величественным спокойствием природы. Если бы не война, то «всё воспринималось бы как в древней сказке с хорошим, мирным концом» (265), – заключает В. Астафьев. Мир природы исполнен благодати, отмечен Божьим присутствием, он гармоничен и сложен, и ничто не может нарушить течение жизни: «Осень всё настойчивей, всё ближе подступала к Великой реке, нежила мир Божий исходной солнцезарностью бабьего лета» (355). Вечность порядка на земле связана с созиданием, с возделыванием хлебного поля.

Хлебное поле должно родить – вот мысль автора, звучащая в романе. В книге эта часть земли символизирует созидательную силу, исполненную Божественного света. Философские истоки концепции трагического выявляются, когда писатель говорит о значении земли в человеческой жизни. Они придают роману многомерность, значимость, полифоническое звучание. Авторская скорбь, гнев, рождаемые зрелищем поруганной страны, боль, которая не проходит, память, которая не забудет, – вот движущие силы романа.

На наш взгляд, в «Проклятых и убитых» внимание направлено не столько к Богу, сколько обращению к Нему как надежде и спасению, стремлению к святости как разрешающей силе, без которой нельзя понять и принять сущее. Для воюющих Бог – единственная поддержка в экстремальной ситуации войны, ибо Он стирает преграды между людьми, уравнивает немца и русского как своих чад. В романе бойцы нуждались в

нравственной поддержке старообрядца Рындина, чтобы переносимые страдания и муки не казались лишёнными смысла.

В художественную ткань произведения Астафьев вводит мотивы, усиливающие степень трагического в романе. Мотивы русской земли, поруганного хлебного поля, русской женщины, благословляющей воинов, в «Чёртовой яме» вмещает в себя несколько важнейших моментов, которые во многом отражают мировоззренческий фон авторского повествования. Выдержанные в традициях православного христианства, они сплетены в финале в единый символический узел – символ Родины, России, матери-земли. У Астафьева русская земля и женщина-мать выступают как животворящее начало.

Прибегая к традициям древнерусской литературы, где родились высокая гражданственность, нравственность, унаследованные в дальнейшем всей русской классикой, в романе «Прокляты и убиты» писатель, говоря о защитниках, использовал слова «рать», «воинство», «битва».

В финале первой книги сфокусировались мотивы дороги, хлебного поля, символы природы, православные и языческие традиции, фольклорные элементы. Дорога являет собой элемент неизвестности, таящий в себе и обречённость на гибель, и надежду остаться в живых. Последняя, пятнадцатая глава «Чёртовой ямы» имеет ярко выраженный характер незавершённости: 21-й стрелковый полк уходит на фронт.

Ещё в Древней Руси существовал обычай: отправляясь в путь, обязательно прибегали к молитве. Саму молитву автор не приводит, а в конце первой части романа появляется русская женщина, которая от имени всех матерей крестит уходящих на фронт сынов-защитников. Молитва исходила из самого её сердца, которого хватило на всех.

В поэтике астафьевских тропов, лексических интонационно-синтаксических особенностях текста отражается философия автора. Деталь пейзажа у Астафьева часто становится одним из художественных приёмов.

В конце первой части романа образ солнца предстаёт не только как источник света, но и как средоточие света духовного, которое предполагает напряжённую работу человеческой души. Солнце как символ жизни подчёркивает торжественность момента, высокие чувства и настроения бойцов, отправляющихся на фронт. Жизнь продолжается, несмотря на то, что воины уходят на верную смерть.

Не только образ солнца и картины природы играют важную роль в финале «Чёртовой ямы», но и звучащая песня является переходом действия в другую плоскость. Песня о гибели народного героя Ермака перекликается с идейно-художественной концепцией как всего романа, так и непосредственно с финальной частью первой книги. И для Астафьева это крайне важно: и в песне, и в романе русские воины-освободители гибнут в боях за родину.

Анализируя «Проклятых и убитых», мы приходим к выводу, что для Астафьева сохранение нравственной силы в военных условиях для человека возможно. Исследование причин военной катастрофы в книге носит вневременной характер. Выявлено, что бесчеловечность, бессмысленность, противоестественность войны автор противопоставляет незыблемости мироздания. Война – временная категория, а русское поле, звёзды, сотворённые Богом, вечны.

Война обострила осознание необходимости в Божественной силе, способной вмешаться в земные дела. Писатель подчёркивает трагическое положение бойца-красноармейца, вынужденного защищать советскую систему, которая попала всё Божеское. Трагизм жизни человека Астафьев в романе «Прокляты и убиты» связывает с православным христианством. Богоотступничество – высочайшая трагедия, затянувшая народ в безумие братоубийственного уничтожения, истоки которого – события революционного переворота 1917 года. Военная ситуация 1941 – 1945 годов, по мнению писателя, – явление закономерное для советской страны, естественное звено причинно-следственной связи.

В Заключении диссертации подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.

Актуальность военной темы продиктована самой историей, сегодняшним днём. «Прокляты и убиты» – новый поворот в развитии военной прозы в русской литературе XX века. Это повествование Астафьева о «своей» войне, исполненной солдатской правды и немолкающей боли. Писатель – один из первых русских художников, осветивший проблему братоубийства, поставивший вопрос о цене победы, так волновавший его все послевоенные годы. Мысль о цене победы предопределила трагический пафос книги. Автор «Проклятых и убитых» говорит о своём «невозвращении» с войны. Мучительная память о ней – пожизненный приговор, вынесенный поколению фронтовиков. А то, что «выросло» из военного опыта, писатель отразил в повестях. Война всеядна: она «требует» всего человека. Проблема «возрождения» потерянного «мира» война-защитника – суть поздней военной прозы Астафьева. Исходя из понимания трагического мироощущения художника, мы пришли к выводу, что наиболее ярко трагический аспект проявляется в книгах Астафьева, посвящённых теме войны, а также в произведениях заключительного этапа его жизненного и творческого пути.

Творческое наследие русской литературы повлияло на мировоззрение Астафьева, предопределило художественные ориентиры писательского пути. Его требовательную Музу вдохновляло перо гениального Н.В. Гоголя, поиски Н.С. Лескова в определении исконных черт русского национального характера, религиозные прозрения Ф.М. Достоевского, толстовское мировидение, «окаянные» страницы И.А. Бунина. Писатель следует их традициям в постижении истории, в изображении человека на пути к Богу.

Дальнейшее рассмотрение романа «Прокляты и убиты» с точки зрения трагического диктует несколько подходов, суть которых заключается в соотнесении произведений Астафьева и обширного наследия

русской классической литературы, в основе которого – поиск ответа на вечные вопросы, обращение к человеку.

Постижение трагического в национальной и мировой истории позволит рассмотреть произведения писателя в контексте эстетических и религиозно-философских исканий XX века.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, входящих в список ВАК:

1. Карасева Э.Л. Идеино-художественная роль авторских отступлений в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2009. – С. 202 – 206.

2. Карасева Э.Л. Православные мотивы в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – № 3. – С. 176 – 181.

3. Бриган Э.Л. (Карасева Э.Л.). Трагический герой и авторская позиция в романе В. Астафьева «Плацдарм» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – № 3. – С. 142 – 148.

Статьи в других изданиях:

4. Карасева Э.Л. Поэтика финала «Чёртовой ямы» как первой части романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы III Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 27 – 28 июня 2007 г. Выпуск 4:– М., 2008. – С. 172 – 176.

5. Карасева Э.Л. Традиции И.А. Буннина в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сб. науч. трудов по материалам Международной научной конференции: – М., МГОУ, 23 – 24 июня 2009 г. Часть II. Литература русского зарубежья и продолжатели традиций. – М., 2009. – С. 225 – 232.

6. Карасева Э.Л. Бери да помни // Октябрь. – 2010. – № 5. – С. 177 – 181.

7. Карасева Э.Л. Грызть сердешная // Красноярский рабочий. – 2011. 20 января. – С.8.

Подписано в печать 18 мая 2012 г.
Формат 60х90/16. Объём 1,5 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 180523

Оттиражировано на ризографе в ООО «УниверПринт»
ИНН/КПП 7728572912\772801001
Адрес: 105066, г. Москва, Лефортовский пер., дом 8, корпус 2.
Тел. 728-97-17, +7(499)261-78-22.
<http://www.onlinecopy.ru>